

БОГДАНОВА Наталья Михайловна / Natalya BOGDANOVA

| «Поворот к вещам» или книга о том, как «пережить обыденность как драгоценность» |

БОГДАНОВА Наталья Михайловна / Natalya BOGDANOVA

Россия, Самара.
Самарский государственный университет. Социолог.Russia, Samara.
Samara State University. Sociologistbo-na-mi@yandex.ru

«ПОВОРОТ К ВЕЩАМ» ИЛИ КНИГА О ТОМ, КАК «ПЕРЕЖИТЬ ОБЫДЕННОСТЬ КАК ДРАГОЦЕННОСТЬ»

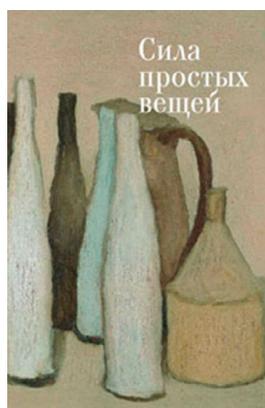
Статья является рецензией на книгу «Сила простых вещей», вышедшую под редакцией С. А. Лишаева и объединившую усилия современных философов в онтологической, культурологической и антропологической концептуализации вещи, проблематизации «простых» вещей и условий «встречи» с ними. Подробно описанные способы «услышать» вещь, а также широта представлений авторами «простоты» и «вещности», рассматриваются рецензентом как неоспоримое достоинство книги, позволяющее читателю из предложенных вариантов самому выбрать свой фокус восприятия простых вещей.

Ключевые слова: вещь, «простая вещь», повседневность, «материальный поворот», «услышать» вещи

“Tuning in’ to Things” or the Book on “How to Experience the Routine as a Precious Thing”

This article is a review on the book "The Power of Simple Things", edited by S. A. Lishaev and the united efforts of modern philosophers in the ontological, cultural and anthropological conceptualization of things, the estimation of "simple" things and the conditions of an "appointment" with them. The ways in which to "hear" a thing described in detail, as well as the broad views of the authors on "simplicity" and "the thing", are considered by the reviewer as one of the book's indisputable advantages, allowing readers to construct their own point of view on simple things.

Key words: thing, "simple thing", everyday life, "material turn", "to hear" things

«Всякая вещь о двух концах» — именно эта старая русская пословица вспоминается, когда держишь в руках недавно вышедшую под редакцией С. А. Лишаева книгу «Сила простых вещей».

Несомненно, книга эта является смелым предприятием. Ещё классик философии и социологии Г. Зиммель, концептуализируя понимание материальных объектов, отмечал двойственную природу их восприятия: как части некоего целого и как самостоятельного «автономного» целого¹. Потому у Зиммеля любая вещь занимает пограничное положение практического

применения и эстетического восприятия, одновременно источника и объекта манипуляций. Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что Зиммель использует материальный субстрат лишь как вспомогательный, метафорический, для выявления скрытых за ним символических отношений, а также для более наглядной демонстрации взаимодействия индивидуума и общества в социальном мире².

Что же происходит, когда вещь рассматривается в её собственной объектности? Возможно ли так повернуть угол научного зрения, чтобы в вещи увидеть (и «услышать», как верно замечает один из авторов — М. В. Михайлова³) саму вещь? Для меня как представителя социологического сообщества такой вопрос отнюдь не праздный, потому как социология изначально задумывалась как наука о нематериаль-

² Там же.

³ Михайлова М. В. Философия простых вещей: созерцательность и событийность // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 12

¹ Зиммель Г. Рама картины. Эстетический опыт / Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. — С. 53.

БОГДАНОВА Наталья Михайловна / Natalya BOGDANOVA

| «Поворот к вещам» или книга о том, как «пережить обыденность как драгоценность» |

ном и любую вещь рассматривает как «социальную вещь». Попытки социологов и других исследователей в области социально-гуманитарных наук увидеть в вещи именно вещь, а не индикатор социальных смыслов, привели к тому, что стало именоваться «материальным поворотом» (“material turn”). Идея такого поворота к вещам — проблематизировать не только социальные «означаемые», но и их материальные «означающие».

Однако в рассматриваемой книге задача концептуализации, а главное, прояснения для читателя того, что есть вещь, усложняется тем, что под вещью понимается не только конкретные материальные объекты, которые можно охватить руками или взглядом, но и некие абстрактные понятия: счастье, любовь, свобода. Кроме того, само стремление «дать слово вещам» уже автоматически делает вещь не вещью, а неким Другим, способным на диалог, или хотя бы внятный монолог. Самарский философ Ю. А. Разинов усматривает в этом стремление «реабилитировать архаическое представление о “душе” вещей»⁴. Вещь в данном случае наделяется чертами социального субъекта, а, значит, отделяется от «чистой» молчаливой вещиности, предметности.

Ещё больше подмеченная Зиммелем двоякая сущность вещи проявляет себя, когда к ней добавляется метка «простая». Нередко в жизни так бывает, что простое, если о нём намеренно задумываться, предстаёт уже весьма не простым в своей простоте, уводя в хитросплетения своих связей с другими объектами материального и нематериального порядка. Краеугольным становится вопрос о том, где начинается простота вещи и где она заканчивается. Одно неизменно и бесспорно: неуловимое «простое», каким бы оно ни было в свое сущности, притягивает к себе как учёных, так и обывателей.

Прогулка по разведенному авторами «саду вещей» во многом привлекает самой повседневностью, из которой мы сегодня всё чаще выпадаем, погружаясь в миры виртуального обмена эмоциями (в виде графических «смайлов»), невещественными подарками и открытками. Теплые и холодные, мягкие и твёрдые, пушистые и гладкие, вещи встраиваются в материю повседневности и участвуют в конструировании социального. С одной стороны, повседневность всегда с нами, так как мы в неё погружены, но, с другой стороны, увидеть и осмыслить её, как подчёркивают авторы, возможно только при некоторой отстраненности, при выходе из рутины обыденности, способности посмотреть на вещи по-иному. Подобное удалось М. В. Михайловой во время, казалось бы, незатейливого (видимо, весь фокус именно в незатейливости) утреннего чаепития⁵. И это то, о чём говорит С. А. Лишаев, когда описывает состояние отрешенности, внутреннего спокойствия, открытости окружающему миру, свободы человека от того, что он делает⁶, своего рода от-

кровения⁷. Это условие, при котором, по выражению А. К. Секацкого, в вещи откроется для нас та самая изюминка⁸, которая позволяет вещь «услышать» среди множества других подобных ей вещей.

Если «встреча с вещью» не происходит как случайное незапланированное откровение, то, очевидно, необходимой здесь становится намеренная попытка сделать знакомое неизвестным, обнаружить проблему в изначально непроблемном. В этом всё время мешает то, что закономерно отмечает А. Е. Сериков в статье «Подарок как вещь. Опыт циничного исследования»: «Писать о простых вещах сложно, ведь кажется, что мы всё о них знаем»⁹.

На первый взгляд невинное желание поговорить о простых вещах, о том, что ближе всего нашему обыденному повседневному опыту, оборачивается серьёзным вызовом философской аналитике. И главная трудность тут кроется в самом предмете интереса — концепте простой вещи. Что считать «простым»? Что считать «вещью»? Наконец, что считать «простой вещью»? Поэтому совершенно справедливо рассуждение о «простых вещах» начинается с конкретизации самого этого понятия, чему посвящен первый раздел книги — «Метафизика простых вещей».

В качестве отправной точки авторы рассматривают исконные этимологические значения понятий «вещь» и «простое», в результате чего приходят к некоторым относительно общим договоренностям. Что касается концепта *вещи*, то она обретает свою самость в момент надления её именем. Для любой вещи это своего рода обряд инициации. Возможно, именно в этом кроется всепоглощающая многозначность вещи, ибо, всё, о чём мы можем говорить, имеет свою словесную оболочку, свой режим «поименованности», а, значит, является вещью. Неотъемлемо сопутствующей этой поименованности является способность вещи быть чувственно воспринимаемой. При этом, исходя из примеров, рассматриваемых в книге, речь идёт о всех возможных способах чувственного восприятия. Отсюда в книге свою вещественность обретает и сувенир М. А. Корейской, и кирпич В. Л. Лехциера, и кухонная утварь (как и само пространство кухни) М. В. Михайловой, и корсет А. В. Коневой, и «счастье-блаженство» С. А. Лишаева, и, наконец, кот Ю. Е. Пермякова. К слову, отмечу, что социологи уже позволили себе вольность заговорить о кошке даже не как о вещи, а как о личности. Несмотря на то, что эти животные не владеют человеческим языком, их способность ассоциировать с собой своё имя и откликаться на него, реагировать и давать отпор внешнему воздействию оценивается рядом авторов «как признак формирования Self»¹⁰. С опорой на такие понятия, как

⁴ Разинов Ю. А. Dasein вещей, или о чём может поведать трубка // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 49.

⁵ Михайлова М. В. Философия простых вещей: созерцательность и событийность // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 16

⁶ Лишаев С. А. Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека) // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 30

⁷ Лишаев С. А. Счастье как присутствие // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 378

⁸ Секацкий А. К. От формации вещей к эпохе текстов // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 76

⁹ Сериков А. Е. Подарок как вещь опыт циничного исследования // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 327.

¹⁰ Сафонова Т. О социогенезе кошачьей личности // Беспредельная социология: Переагрузка. Сб. эссе. ЦНСИ: Unplugged / Под ред. Нартовой Н., Паченкова О., Соколова М., Чикадзе Е. — СПб.: ЦНСИ, 2006. — С. 133–142. Alger, J. M., Alger, S. F. (1999) ‘Cat Culture, Human

БОГДАНОВА Наталья Михайловна / Natalya BOGDANOVA

| «Поворот к вещам» или книга о том, как «пережить обыденность как драгоценность» |

«кошачья социализация», «кошачья культура», обыкновенная домашняя кошка рассматривается как полноправный участник социального взаимодействия.

Что же касается вещи *простой*, то искомая простота, в значении «прямоты», «чистоты», «подлинности», «свободы», важность которой особо подчёркивает С. А. Лишаев, появляется тогда, когда вещь становится интересной «сама по себе», в своей самости, независимости от утилитарных и прагматических связей. В этом отношении, по мнению Лишаева, «лучше других предрасполагают к восприятию простого» вещи старые и старинные, вещи природные и предметы искусства¹¹. Одни утратили утилитарность в силу времени, другие — не имели её по своему замыслу. Последнее верно, пожалуй, с одной только оговоркой: если, к примеру, старинная картина не покупается и затем не используется с конкретной прагматической целью — прикрыть дыру в стене.

В целом, простая вещь заслуживает внимания уже только тем, что она есть, присутствует в нашем жизненном опыте, и неважно, что в иной ситуации мы могли бы починить ею молоток (кирпич), измерить нишу в стене, чтобы понять, войдёт ли туда шкаф (рулетка), накинуть на плечи и согреться от холода (шаль), записать номер телефона на полях газеты (карандаш), спрятаться от дождя (дерево), т. е. придать вполне конкретное утилитарное значение. Хотя, на мой взгляд, неплохо было бы отдельно рассмотреть вопрос о том, что есть утилитарное измерение вещи? Всякое ли утилитарное значение лишает вещь её подлинной свободы? Ведь полезность вещи может быть и в её бесполезности, а степень практической применимости, к примеру, того же зеркала, может простирается от вполне конкретной функции отражателя или инструмента конструирования человеком своей идентичности до бережного хранения на дне ящика туалетного столика зеркальца, подаренного любимым человеком, как напоминания о чувствах, т. е. своего рода символического капитала. Кроме того, каков «градус» утилитарности и прагматичности чувств и состояний, понятых как вещь?

Взгляд на вещь за скобками её утилитарного применения требует немалых волевых усилий со стороны смотрящего именно сегодня, когда в стремительном темпе жизни, огромном разнообразии товаров и продуктов, потере «штучности», мы всё реже стали удивляться вещам. Для нас стало привычным сугубо потребительское отношение к вещи. Всё многообразие равнодушно наполняющих нашу жизнь вещей сродни простому набиванию желудка, когда не чувствуешь вкуса и аромата пищи, а стремишься лишь к чувству насыщения, которое, как известно, с каждым разом требует всё больших «порций» вещей. В условиях тотального потребления всего и вся, подмены оригиналов копиями (в том числе, и виртуальными), сокращении жизненного цикла одежды, бытовой техники, мебели и мелких подручных предметов рассуждение об отдельно взятых вещах, более того, помышляемых как «простые», «свободные», «интересные сами по себе», оказывается весьма своевременным.

Ещё один маркер простой вещи, предложенный С. А. Лишаевым, — сами условия её восприятия: «вещь проста, когда прост (свободен, открыт, внутренне отрешен, чист) сам человек. Простота вещи — той же природы, что и простота человека»¹². Значит, для того, чтобы встреча человека и вещи состоялась, они должны быть по-своему к ней готовы. Так, от метафизики, от Dasein простых вещей, авторы переходят к осмыслению места, времени и условий обозначенной встречи.

Одним из условий обретения человеком своей простоты, а, следовательно, возможности достигнуть простоты вещей, является свобода от насущных задач и забот, готовность просто созерцать, внутренняя отрешенность от своих действий, наконец, уже упомянутое ранее счастье-блаженство¹³. Таким образом, последнее может рассматриваться не только как сама по себе простая вещь, но скорее как способ постичь другие простые вещи.

Авторский коллектив Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая и Е. В. Савенкова, а также Ю. А. Разинов предлагают «уловить» простую вещь средствами искусства. Отсюда, быть может, уже на интуитивных побуждениях почти каждый из авторов «Силы простых вещей», концептуализируя в целом понятие вещи или рассматривая конкретный пример вещи, неважно, будь то подарок, трубка, женский корсет или домашняя кошка, помимо прочего, обращается к искусству (живописи, поэзии, прозе, моде, архитектуре).

Сама возможность и необходимость «встречи» человека и вещи, многократно освещаемая в книге, требует рассмотрения субъект-объектных отношений, которые эта встреча предполагает. Так, в разделе под названием «Вещь и субъект» А. К. Секацкий считает важным обратить внимание на сохранение вещественности предметов, вещах-пожитках, на том, как вещи вплетаются в канву текстов¹⁴, а Н. А. Грякалов проблематизирует волшебство вещей¹⁵, фетишизм знаков и имен. Здесь же О. А. Балла-Гертман рассматривает вещи как «координаты человека в бытии», как «возможность пощупать время руками»¹⁶, а С. А. Лишаев посвящает свою статью соотношению вещи и памяти¹⁷.

Получается, что любая вещь одновременно может быть и простой, и сложной — всё зависит от нашего угла зрения на неё, от того, как задать к ней исследовательский вопрос. Именно поэтому, подчёркивают авторы, любая вещь «проста не «сама по себе», а в пространстве её восприятия»¹⁸. Так, вещи

¹² Лишаев С. А. Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека) // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 25.

¹³ Лишаев С. А. Счастье как присутствие // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 378.

¹⁴ Секацкий А. К. От формации вещей к эпохе текстов // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 69–80.

¹⁵ Грякалов А. А. «Монодрамы вещей» и субъективность: пределы забвения и незабвенное // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 81–105.

¹⁶ Балла-Гертман О. А. Поэтика потерь: к антропологии вещи // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 106–111.

¹⁷ Лишаев С. А. Первое, что запомнилось (вещь в биографическом контексте) // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 28.

¹⁸ Лишаев С. А. Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека) // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред.

Culture: An Ethnographic Study of a Cat Shelter'. Society & Animals, Vol. 7, Issue 3, October. — p. 199–219.

¹¹ Лишаев С. А. Метафизика простых вещей (простая вещь как место сборки мира и человека) // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетей, 2013. — С. 31

БОГДАНОВА Наталья Михайловна / Natalya BOGDANOVA

| «Поворот к вещам» или книга о том, как «пережить обыденность как драгоценность» |

рукотворные, вещи природные, вещи священные и сакральные или вещи до боли привычные, рутинные¹⁹ могут быть восприняты как простые, а могут таковыми и не стать. В таком случае предпринятый в книге разговор о простых вещах — это не столько анализ неких конкретных предметов или понятий, которые по каким-то иным (энциклопедическим) своим характеристикам могут вписываться в категорию «простое», сколько умышленное стремление смотреть на вещь именно как на простую, попытка перенастроить, переключить «оптику видения».

И вот, после необходимых концептуальных и этических прояснений, сделанных авторами, мы можем считать себя готовыми к диалогу с вещами, к собственно прогулке по «саду вещей», представленному во второй половине книги в виде статей, посвященных некоторым «простым вещам». Тут как раз и обнаруживается то, как каждый автор настраивает «свою оптику», прокладывает в «саду» свою «тропинку к вещи», по-своему вступает в коммуникацию с ней, по большому счёту пропуская ранее проделанную в книге концептуализацию вещи сквозь собственный опыт. Возможно ли иное? Нельзя не согласиться с О. А. Балла-Гертман, вещь говорит о том, о чём человек её спрашивает, а вопросы, вероятно, у каждого свои. В сущности, диа-

лог с вещью — это всегда нечто вроде прикладывания ракушки к уху с целью услышать шум моря.

Итак, читателю только остаётся следовать этим чужим проторенным тропкам или... избрать свою (благо, секретные ходы, лазейки для этого были показаны очень четко). И тут мы подходим к главному, на мой взгляд, достоинству книги «Сила простых вещей». Она не научает какому-то единому универсальному взгляду или алгоритму анализа бытия вещей или смысла вещей, но рождает желание самому для себя вещь открывать, прощупывать, выйти на миг из круговорота рутины и повернуться к тому, что вокруг, услышать то, что прежде казалось безмолвным, наконец, организовать своё собственное знакомство с простой вещью. Одним словом, как коротко, но очень точно и ёмко выразилась М. В. Михайлова, «пережить обыденность как драгоценность»²⁰.

В целом, несмотря на большую метафоричность и образность языка, а также отсылку к подчас весьма обыденным и прозаичным практикам повседневного опыта, рассматриваемая книга отнюдь не производит впечатления незатейливого письма. Напротив, говоря о простых вещах, авторам удаётся подняться на должный уровень философской абстракции, выстроить вполне стройные логические конструкции, но вместе с тем оставляют читателю свободу мысли и приятное послевкусие от прочтения.

С. А. Лишаева. — СПб.: Алетейя, 2013. — С. 28.

¹⁹ Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Гекатонхейр и цветок, или как возможна философия простых вещей // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетейя, 2013. — С. 41–43.

²⁰ Михайлова М. В. Философия простых вещей: созерцательность и бытийность // Сила простых вещей: сб. ст. / под ред. С. А. Лишаева. — СПб.: Алетейя, 2013. С. 16

